

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17742

EDN: RRUBJW

Евангельские мотивы в книге Романа Славацкого «Складень»

А. В. Кулагин

*Государственный социально-гуманитарный университет
(г. Коломна, Российская Федерация)*

*Московский педагогический государственный университет
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: kula-mariya@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению и анализу евангельских мотивов в книге стихов «Складень» (2010) коломенского поэта Романа Славацкого (1957–2021), в частности, во включенных в нее сонетах (сонеты были излюбленной поэтической формой Славацкого и составляют почти половину этого сборника). Проанализированы мотивы евангельской свободы (сонет «Пономарское»), Рождества (сонеты «Художнику Евгению Устинову», «Юрию Колесникову»), Пасхи (и сопровождающие их мотивы Великого поста и Вербного воскресенья; сонеты «Первая седмица», «Хризантемы»). Евангельские мотивы в сонетах Славацкого тесно сопряжены с русской жизнью, с русскими городами (Москва, Коломна), с реалиями православного богослужения, с городским и загородным пейзажем, привязаны к фигуре адресата посвящения, к роду его занятий (живопись, фотография). Отсюда — гибкость, пластичность евангельской темы в творчестве поэта, ее погруженность в мир современного человека. Сами сонеты связаны между собой мотивом откровения, который также можно считать евангельским. В статье учтены поэтические параллели с произведениями поэтов-классиков (Ф. И. Тютчева, Н. А. Некрасова). Кратко отмечены евангельские мотивы и в других стихотворениях книги «Складень», намечены перспективы дальнейшего изучения евангельской тематики в творчестве поэта.

Ключевые слова: Роман Славацкий, «Складень», Евангелие, откровение, мотив, богослужение, сонет, адресат, Коломна

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 26-18-00128 «Сонет как национальное достояние: сохранение творческого наследия поэтов из российской глубинки», <https://rscf.ru/project/26-18-00128/>).

Для цитирования: Кулагин А. В. Евангельские мотивы в книге Романа Славацкого «Складень» // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 3. С. 330–343. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17742. EDN: RRUBJW

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17742

EDN: RRUBJW

Gospel Motifs in Roman Slavatsky's Book "Skladen"

Anatoly V. Kulagin

State University of Humanities and Social Studies

(Kolomna, Russian Federation)

Moscow Pedagogical State University

(Moscow, Russian Federation)

e-mail: kula-mariya@yandex.ru

Abstract. The article focuses on identifying and analyzing Gospel motifs in "Skladen" (2010), a poetry collection by the Kolomna-based poet Roman Slavatsky (1957–2021) — specifically in the sonnets included therein (the sonnet was Slavatsky's preferred poetic form, and sonnets make up nearly half of the collection). The author of the article analyzes motifs of Gospel freedom (the sonnet "Ponomarskoe"), Christmas motifs (the sonnets "To the Artist Yevgeny Ustinov" and "To Yuri Kolesnikov"), and Easter motifs (along with the accompanying motifs of Great Lent and Palm Sunday; the sonnets "The First Week" and "Chrysanthemums"). It is shown that the Gospel motifs in Slavatsky's sonnets are closely intertwined with Russian life, Russian cities (Moscow, Kolomna), the realities of Orthodox worship, and urban and rural landscapes, while also being linked to the dedicatee and his professional activities (painting, photography). Hence the flexibility and fluidity of the Gospel theme in the poet's work, and its immersion in the world of modern man. The sonnets themselves are linked by the motif of revelation — a motif that can also be regarded as Gospel-derived. The article takes into account poetic parallels with the works of classic poets (Tyutchev, Nekrasov). Gospel motifs in other poems from the collection "Skladen" are briefly noted, and avenues for further study of Gospel themes in the poet's work are outlined.

Keywords: Roman Slavatsky, "Skladen", Gospel, revelation, motif, divine service, sonnet, addressee, Kolomna

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 26-18-00128 "The Sonnet as a National Treasure: Preserving the Creative Legacy of Poets from Russia's Provinces", <https://rscf.ru/project/26-18-00128/>).

For citation: Kulagin A. V. Gospel Motifs in Roman Slavatsky's Book "Skladen". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2026, vol. 24, no. 3, pp. 330–343. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17742. EDN: RRUBJW (In Russ.)

Коломенский поэт Роман Славацкий (настоящее имя: Роман Вадимович Гацко; 1957–2021) известен также как прозаик, журналист, краевед, автор публикаций об истории коломенских храмов. В настоящее время ведется работа по сохранению и изданию (переизданию) его поэтического наследия (см.: [В одном лице — историк и поэт], [Славацкий]), которое уже стало предметом нескольких научных статей (см.: [Кулагин, 2025, 2026], [Федотов 2025а, b]). Будучи глубоко воцерковленным человеком (одно время даже служившим пономарем), он неоднократно обращался в своем творчестве к евангельским мотивам. Наиболее репрезентативна в этом отношении книга «Складень» (2010), едва ли не полностью посвященная теме христианства (показательно уже само название сборника) и почти наполовину (семнадцать произведений из тридцати девяти) состоящая из сонетов. Сонет вообще был излюбленной поэтической формой Славацкого, испытавшего сильное влияние сонетной традиции Серебряного века и поэтов «Плеяды»; большинство его небольших прижизненных сборников: «Амфора», «Венеция», «Коломенский шиповник» и другие — были составлены из сонетов полностью.

Сборник «Складень» представляет собой в общих чертах поэтическое отражение годового православного цикла, его основных вех. В этом отношении его можно сравнить с прозаической книгой Ивана Шмелева «Лето Господне», а в области поэзии — со «Стихотворениями Юрия Живаго» (хотя цикл стихов героя романа Б. Пастернака выстроен более прихотливо — за Пастернаком Славацкий идет скорее в цикле стихотворений Дмитрия Озерова, вымышленного героя прозаической поэмы «Мемориал», 2007).

Открывающий книгу сонет «Пономарское» посвящен Максиму Горбачеву, вместе с которым Славацкий выполнял обязанности пономаря:

«Эх, Максим, какие наши годы! —
мы ещё послужим в алтарях.
Тот не знал евангельской свободы,
кто не ведал крест пономаря.

Чёрная, неброская работа:
стал у аналоя — да читай.
Но душа — трепещет отчего-то, —
словно увидала дальний рай...
Ты, Бог даст, — пробьёшься в иереи,
ну а мне — донашивать стихарь.
Только нет смиренней и светлее
места на земле, чем — пономарь, —
верный раб церковного народа...
Эх, Максим, какие наши годы!»¹.

Сразу обращает на себя внимание мотив «евангельской свободы». Напомним, что в Новом Завете понятие свободы ассоциируется с Духом Господним («...где Дух Господень, там свобода»; 2 Кор. 3:17) и означает как свободу от греха, так и свободу от формального следования Закону, то есть, по сути, встраивается в парадигму Закон/Благодать. Говоря иначе, понятие свободы обращено не к внешним ее проявлениям, а к внутренним — к области духа². Как обходится с ним поэт? Лейтмотив сонета — смирение, кажущееся принижение пономарской должности, исключаящей амбиции: «черная неброская работа»; «мне — донашивать стихарь»; «нет смиренней...»; «верный раб». Но эти мотивы здесь же корректируются высоким пафосом: пономарь несет «крест», подобно самому Иисусу; душа пономаря «словно увидала дальний рай» и оттого «трепещет»; вслед за мотивом смирения звучит мотив «света» («нет смиренней и светлее»); наконец, «рабство» пономаря относится к «церковному народу». Возникает интересная смысловая игра: раб народа — парадокс; но это не просто народ, а народ — церковный. Здесь и кульминация лирического сюжета: мотив такого «рабства» корреспондирует с заявленным в начале сонета мотивом свободы — казалось бы, по закону

¹ См.: [Славацкий: 165]. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

² См.: Климов Г. Свобода по-евангельски: беседа с кандидатом богословия протоиереем Георгием Климовым / бесед. О. Орлова // Покров: православный портал. 31.03.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://pokrov.pro/svoboda-po-evangelski/> (14.06.2026).

оппозиции. Но поскольку и свобода и рабство в сонете — особые, выходящие за рамки привычных «светских» категорий, то и соотношение их оказывается оправданным и гармоничным. *Такая* свобода и *такое* рабство — совместимы, если даже у Ф. Тютчева сам «Царь Небесный» предстает «в рабском виде» («Удрученный ношей крестной, // Всю тебя, земля родная, // В рабском виде Царь Небесный // Исходил, благословляя» [Тютчев: 71]). Что касается мотива «евангельской свободы», то он отзывается у Славацкого в книге «Складень» и в стихотворении «Звонкий праздник»:

«Лучи дробятся в солнцах вешних луж,
апрель несёт евангельские воды...
И рвётся в гулкий сумрак наших душ
дыханье благовещенской свободы!» (185).

Звучит он и позже, в книге «Город» (2014):

«И евангельской свободой
звоны плещут, словно воды» («Пасха») (243).

Несколько стихотворений в книге «Складень» обращены к теме Рождества. Среди них — два сонета, посвященные двум художникам и соответственно этому названные: «Художнику Евгению Устинову» и «Юрию Колесникову». Ю. Д. Колесников (1938–2003) — фотохудожник, Е. А. Устинов (1928–2017) — живописец.

Вот текст первого сонета («Художнику Евгению Устинову»):

«Как будто звездочёт, седой художник
сидит в тиши на страже Рождества,
а бархат стен, алеющий едва,
картины оттеняет осторожно.

Пуškai на троне Ирод — царь-безбожник;
ничто не тронет мудрого волхва,
и пусть не Палестина — лишь Москва
молчит вокруг — заснеженно, тревожно, —

он выберет дары и выйдет снова
среди столпотворения людского
встречать Мессию чем-то светлым — тем,

что мы с молитвой выстрадать сумели.
...И пушкинскую ветку снежной ели
снесёт Христу в чудесный Вифлеем» (167).

В основе сонета — оригинальная ассоциативная цепочка. Современный столичный художник уподоблен «мудрому волхву». Но Москва, Россия — не Палестина; отсюда — зимний, не характерный для Евангелия, но характерный для России колорит. Москва «молчит... заснеженно, тревожно». Но если художник сродни волхву, он должен поднести в рождественские дни дары Иисусу, и этот подарок должен иметь некую первостепенную ценность. Для русского человека, в том числе и для художника Устинова, автора работ на пушкинские темы, такая ценность — все, что связано с Пушкиным; образ зимней ели именно таков («И ель сквозь иней зеленеет...»), тем более что зимний пейзаж для Пушкина вообще характерен («Зимний вечер», «Евгений Онегин», «Зимняя дорога» и др.). Пушкин — «что-то светлое», то, «что мы с *молитвой* выстрадать сумели». Так имя преимущественно светского по своему менталитету поэта-классика сопрягается в сонете с религиозной темой; мотив «выстраданности», то есть страдания, ассоциируется (пусть косвенно) со страстями Христовыми, а местоимение «мы» придает лирической ситуации характер общенационального переживания как Рождества, так и пушкинского наследия. Российская нота в стихотворении ассоциативно поддержана мотивом «Ирода» (Устинов прожил четверть века при Сталине) и мотивом «тревоги», поневоле вызывающим в сознании читателя аллюзии к новейшей истории.

Сонет «Юрию Колесникову» по тематике тоже рождественский:

«Опять идут волхвы с богатыми дарами,
и катится Звезда, и шепчется молва...
И светятся снега Святого Рождества,
и стёкла у окон горят в узорной раме.
Снега... Опять снега — пушистыми буграми
одеи древний Кремль: дома и деревья,
и даже сам Собор — злачёная глава —
сверкающе молчит. И блещет снег на храме.

И этот снег, и блеск — в летучий снимок сжаты,
в неслышимый щелчок у фотоаппарата,
в прозрачный негатив, таинственный картон.

И магией стекла и линзой объектива
навек заворожён мистически-красивый
священный день: и свет, и снег, и лёд, и звон» (168).

Юрий Колесников был известен в Коломне как фотохудожник, снимавший городские виды, в том числе историческую часть города. Неудивительно, что мотивы старой Коломны звучат и в сонете: «древний Кремль», «Собор» (имеется в виду Успенский собор, представляющий собой архитектурную доминанту Соборной площади в Кремле). На фоне Коломны и разворачивается классический евангельский сюжет Рождества: те же «волхвы с богатыми дарами», рождественская «Звезда» словно перемещаются в заснеженный старинный русский город. «Перемещение» подкреплено мотивами света, их развитием: «И светятся снега Святого Рождества, // и стёкла у окон горят в узорной раме». «Светятся» (нейтральные «снега»), затем «горят» (стекла окон уже в Коломне) — такова ступенчатая динамика этой образности. Плюс к тому: Собор «*сверкающе молчит*», и «*блещет* снег на храме» (курсив наш. — А. К.). Кстати, «узорная рама» — не абстрактный поэтизм: в старой Коломне в самом деле немало частных домов, на окнах которых сохранились резные наличники. Но при чем тут Юрий Колесников? Фотохудожник в стихах Славацкого запечатлевает этот рождественский мир, этот «*священный день*». Выделенное нами определение есть эмоциональная кульминация сонета — оно связывает все три его внутренние темы: Рождество (Святое, священное), Коломна (рождественский городской пейзаж), фотоискусство. И в качестве своеобразного лирического эпилога звучит финальное слово, тоже отсылающее к рождественской атмосфере: «...и свет, и снег, и лёд, и звон» (курсив наш. — А. К.). В ряду «зримых» существительных (посвященный фотохудожнику сонет вообще очень визуален) это единственный слуховой образ, и мы понимаем, что «сверкающее молчание» Собора предшествует праздничному колокольному звону.

Название сонета «Первая седмица» отсылает к первой неделе Великого поста:

«Незримого богатства — не растратить!

Ложится снег, взметаясь и пыля;

Великий пост, как посланная скатерть,

укрыл России строгие поля.

И траурных церквей скупые звоны

полны высокой снежной тоской;

а на душе — как в поле убелённом —

такая тишина, такой покой!..

Но время неизбежное промчится,

холсты снегов раскроются, горя,

и скатерть обернётся Плащаницей,

овитой вокруг Небесного Царя...

И мёртвый лёд, недвижимый, словно камень,

вдруг оживёт святыми родниками» (197).

Смысловое членение сонета четко соответствует его строфическому делению. Два первых катрена воссоздают атмосферу поста и зимы, когда природа еще мертва. Строгость поста (отметим замечательную аллитерацию-ассонанс «пост/ посланная») как бы распространяется на весь окружающий мир: заснеженные поля кажутся «строгими», церкви названы «траурными», их звоны — «скупыми» и полными «высокой снежной тоской». Правда, в этих двух катренах есть два мотива, готовящих читателя к эмоциональному перелому: это мотив нерастраченного «незримого богатства» (которое, как мы понимаем, неизбежно проявит себя) и мотив «тишины» и «покоя», которым не мешают ни «строгость», ни «тоска». И вот начиная с девятого стиха поэтическая мысль делает ощутимый поворот: пост неизбежно закончится, впереди — Пасха. Поэт нашел выразительную метафору, связавшую пейзаж и евангельский сюжет: «...и скатерть обернётся Плащаницей...». Плащаница, напомним, используется в православном богослужении на Великую Пятницу и Великую Субботу; поэт же этим образом связывает далеко отстоящие друг от друга в церковном календаре начало Великого поста

и Пасху. Эмоционально это оправдано тем, что пост, по сути, есть заведомое приготовление верующего к Пасхе.

Мотив «родников» в финале сонета неслучаен и имеет не только природное значение. Важно, что родники — «святые». Нам думается, что здесь отозвалась конкретная коломенская реалья. На окраине города, в бывшем селе Протопопово (ныне — поселок имени Кирова), существует святой источник, открытый, по преданию, Сергием Радонежским. Роман Славацкий, некоторое время служивший пономарем именно в протопоповском храме, более чем заинтересованно относился к судьбе этого источника. Прочитируем, например, сонет «Колычёво» (название соседствующего с Протопоповым микрорайона), вошедший в другую книгу Славацкого — «Самоцветные четки» (2004): «...И жаль, что славе предков мы — не ровня. // Но знак надежды — скромная часовня — // стоит у чудотворного ключа» (147).

Пасхальная тема звучит и в сонете «Хризантемы», посвященном Нине Дольевне («матушке Нине») — супруге отца Олега Горбачева, матери Максима:

«На Вербное — пожертвовали церкви
три хризантемы, светлых, словно снег.
И скоро сникли царственные ветви:
ведь срезанных цветов — недолог век.
Но вот, под кровом Пятницы Великой,
когда рыдает сердце всей Земли, —
цветы вдруг обновились! Вспыхнул лик их —
как будто лишь сегодня расцвели!..
И словно чья-то дивная десница
три свечка зажгла — у Плащаницы...
Так с очерстевших душ спадает маска,
разбитая рыданием о Христе...
И снова в нашем сердце светит Пасха,
как будто чудный пламень хризантем» (179).

Пасхальный лирический сюжет неожиданно вырастает из мотива хризантем; неожиданно — потому что на Вербное

воскресенье принято приносить вербу. Вероятно, именно этот неожиданный дар и мог вызвать у Слагацкого лирический отклик. Но хризантемы, круглогодичные цветы, нетрудно представить в любое время года — в том числе и весной. Они, и будучи срезанными, могут стоять в воде очень долго — в этом можно видеть реальную основу лирического сюжета. Главное же в сонете — параллель между ожившими цветами и пасхальным обновлением человеческой души. Сила веры и переживания судьбы Христа («когда рыдает сердце всей Земли») созвучны новому цветению хризантем. В таком контексте цветы опозитизированы: их ветви названы «царственными», сами они «светлые, словно снег», уподоблены «светочам» и, в развитие той же образности, «чудному пламени». В финале сравнение становится «обратным»: как хризантемы подводят нас к Пасхе, так уже и сама Пасха сравнивается с их «чудным пламенем». Поэтическая мысль возвращается к своему истоку. Концовку сонета можно сравнить с концовкой стихотворения Слагацкого «Воздух полнится эхом прокимна...», тоже входящего в состав «Складня» — Пасха здесь ассоциируется с другим цветком: «Как прекрасно молчанье святыни, // как легко в предраусветной тиши! // Это Пасха — фиалкою синей // распустилась в глубинах души» (201). Говоря о поэтике сонета «Хризантемы», отметим экспрессию кульминационного образа «маски, разбитой рыданьем о Христе», органичное в церковном контексте использование славянизмов (помимо уже приведенных, это «кров», «лик», «десница») и оригинальные, изысканные рифмы («Великой — лик их»; «маска — Пасха»; «Христе — хризантем»).

Евангельские мотивы звучат на страницах «Складня» не только в сонетах, но и, например, в «Сретенской оде». Характерен авторский выбор жанрового обозначения, предполагающий опять-таки к некоторой торжественности, которой, однако, не мешают ни порой неожиданное, как будто из другой сферы жизни взятое слово «горница» в значении «храм», ни тем более выражение «сует суета» — хотя и снижающее семантически лирическую ситуацию, но восходящее к Ветхому Завету (Еккл. 1:2):

«В этих евангельских горницах
меркнет сует суета;
люди с молитвою сходятся —
встретить во храме — Христа,
чтобы пророческим зрением
знать о Предвечной Любви:
"Светлое мира спасение
видели очи мои..."» (173).

В стихах, конечно же, обыгран эпизод из Евангелия от Луки, ставший основой для церковного праздника Сретение. Старец Симеон Богоприимец, увидевший младенца Иисуса, произносит: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое...» (Лк. 2:29–30). Евангельские стихи благодаря трехстопному дактилю превращаются в стихи в буквальном смысле слова (и, кстати, отзываются некрасовской интонацией и ритмикой; ср. с легендой «О двух великих грешниках» в поэме «Кому на Руси жить хорошо»: «Господу Богу помолимся, // Древнюю быль возвестим...»; «Рухнуло древо; скатилось // С инока бремя грехов!...» [Некрасов: 207, 210]). В заключительном четверостишии «Сретенской оды» читаем: «Слово двухтысячелетнее // в юный вплетается век...» (173). Здесь тонкая смысловая игра. С одной стороны, естественно ощущение «юного века» в стихах, написанных, судя по всему, в самом начале нашего столетия (первая публикация состоялась в 2002 г. в февральском номере многотиражной приходской газеты «Сергиев листок»). С другой — соприкосновение «двухтысячелетнего слова» и «юного века» по-своему проецируется на сам сретенский сюжет, в котором старец встречает Младенца, чье рождение открывает собой новую эпоху в истории человечества.

Евангельские мотивы звучат и в других стихотворениях сборника «Складень», например: «Весна в цветном платке — у входа храма» («...В цветном платке весенняя Россия // идёт встречать Воскресшего Христа»); «Как величавы ветви ели!» («...И светится в глазах девчушки // святая радость Рождества»); «Оттепель» («Оттепель струится, словно слёзы // о Христе,

идушем в дальний путь»); «Никола зимний» («И украсит зелень свежих елей // Блеском Вифлеемских светлых звёзд») (171, 172, 178, 186).

Евангельские мотивы в книге «Складень» (как и в поэзии Романа Славацкого в целом) в перспективе могут быть проанализированы более подробно, чем в наших кратких заметках. Но рассмотренные нами примеры позволяют, думается, сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, евангельские мотивы в сонетах Романа Славацкого тесно сопряжены с русской жизнью, с русскими городами (Москва, Коломна), с реалиями православного богослужения и зимнего пейзажа (городского и загородного). Во-вторых, лирический сюжет сонета привязан к фигуре адресата, к роду его занятий, и потому евангельская тематика оказывается очень гибкой, пластичной, легко включающей в себя ассоциации с судьбами самых разных людей. И в-третьих — сонеты связаны между собой мотивом откровения, который также можно считать евангельским, — пусть даже само это слово («откровение») в стихах не произносится. Таково трепетное ощущение «дальнего рая», открывшееся лирическому герою «Пономарского»; таков неожиданный «пушкинский дар» художника-волхва Христу во втором сонете; таков «неслышимый щелчок у фотоаппарата», волшебно преображающий мир вокруг; таково оборачивающееся Светлым Воскресением завершение Великого поста; таково ощущение оттененного двухтысячелетней христианской традицией «юного века» (и, добавим от себя, — нового тысячелетия).

Список литературы

1. В одном лице — историк и поэт: сб. памяти Романа Славацкого / сост. А. В. Кулагин. Коломна: Лига, 2023. 192 с. EDN: DZKUPE
2. Кулагин А. В. Гиляров-Платонов в поэзии Романа Славацкого // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. Филология. 2025. № 4 (60). С. 64–73 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_88779367_25163552.pdf (01.06.2026). EDN: KIINRU
3. Кулагин А. В. Рациональное и эмоциональное в сонете (опыт Романа Славацкого) // Эпистола. Филологический журнал. 2026. Т. 6. № 11. С. 36–45 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_91277940_11701180.pdf (01.06.2026). EDN: YEKYAT

4. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Л.: Наука, 1982. Т. 5: Кому на Руси жить хорошо / подгот. текста и коммент. О. Б. Алексеевой и др.; ред. Т. А. Беседина, А. И. Груздев. 688 с.
5. Славацкий Р. В. Коломенские сонеты / сост., авт. вступ. ст. и примеч. А. В. Кулагин. Коломна: Лига, 2026. 512 с.
6. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: в 6 т. / сост., подгот. текстов, коммент. В. Н. Касаткина; Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. М. Горького, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Классика, 2003. Т. 2: Стихотворения, 1850–1873. 640 с.
7. Федотов О. И. Бракосочетание Ивана III и Софии Палеолог в сонетном триптихе Романа Славацкого // Цивилизационный выбор России и Русской Церкви: сб. мат-лов XXV Свято-Троицких междунар. чтений в Санкт-Петербурге. СПб.: РХГА им. Ф. М. Достоевского, 2025. С. 72–79 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_83158249_70347573.pdf (01.06.2026). EDN: XTZBEK (a)
8. Федотов О. И. О коломенском сонете Романа Славацкого // XI московские Анциферовские чтения: сб. ст. по мат-лам Всерос. науч. конф., посвящ. 150-летию В. Д. Бонч-Бруевича. М.: ГМИРЛИ им. В. И. Даля, ИМЛИ РАН, 2025. С. 62–69 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82854902_16769997.pdf (01.06.2026). EDN: WYGZUT (b)

References

1. *V odnom litse — istorik i poet: sbornik pamyati Romana Slavatskogo* [A Historian and a Poet in One Face: A Collection in Memory of Roman Slavatsky]. Kolomna, Liga Publ., 2023. 192 p. EDN: DZKUPE (In Russ.)
2. Kulagin A. V. Gilyarov-Platonov in the Poetry of Roman Slavatsky. In: *Vestnik Gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of the State University of Humanities and Social Studies. Philology], 2025, no. 4 (60), pp. 64–73. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_88779367_25163552.pdf (accessed on June 1, 2026). EDN: KIINRU (In Russ.)
3. Kulagin A. V. Rational and Emotional in Sonnet (an Experiment by Roman Slavatsky). In: *Epistola. Filologicheskii zhurnal* [Epistle. Journal of Philology], 2026, vol. 6, no. 11, pp. 36–45. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_91277940_11701180.pdf (accessed on June 1, 2026). EDN: YEKYAT (In Russ.)
4. Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 15 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 15 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, vol. 5: Who Lives Well in Russia? 688 p. (In Russ.)
5. Slavatskiy R. V. *Kolomenskie sonety* [Kolomna Sonnets]. Kolomna, Liga Publ., 2026. 512 p. (In Russ.)

6. Tyutchev F. I. *Polnoe sobranie sochineniy i pis'ma: v 6 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 6 Vols]. Moscow, Klassika Publ., 2003, vol. 2: Poems, 1850–1873. 640 p. (In Russ.)
7. Fedotov O. I. The Marriage of Ivan III and Sofia Palaiologos in Roman Slavatsky's Sonnet Triptych. In: *Tsivilizatsionnyy vybor Rossii i Russkoy Tserkvi: sbornik materialov XXV Svyato-Troitskikh mezhdunarodnykh chteniy v Sankt-Peterburge* [The Civilizational Choice of Russia and the Russian Church: A Collection of Materials of the 25th St. Trinity International Readings in St. Petersburg]. St. Petersburg, The Russian Christian Humanitarian Academy Named After F. M. Dostoevsky Publ., 2025, pp. 72–79. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_83158249_70347573.pdf (accessed on June 1, 2026). EDN: XTZBEK (In Russ.) (a)
8. Fedotov O. I. About the Kolomna Sonnet of Roman Slavatsky. In: *XI moskovskie Antsiferovskie chteniya: sbornik statey po materialam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu V. D. Bonch-Bruevicha* [11th Moscow Antsiferov Readings: A Collection of Articles Based on the Proceedings of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 150th Anniversary of V. D. Bonch-Bruevich]. Moscow, V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature Publ., A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2025, pp. 62–69. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_82854902_16769997.pdf (accessed on June 1, 2026). EDN: WYGZUT (In Russ.) (b)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кулагин Анатолий Валентинович, Anatoly V. Kulagin, PhD (Philology), доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Российская Федерация, 140411); ведущий научный сотрудник, Московский педагогический государственный университет (ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119435); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5494-6158>; e-mail: kula-mariya@yandex.ru, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language and Literature, State University of Humanities and Social Studies (ul. Zelyonaya 30, Kolomna, 140411, Russian Federation); Leading Researcher, Moscow Pedagogical State University (ul. Malaya Pirogovskaya 1/1, Moscow, 119435, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5494-6158>; e-mail: kula-mariya@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.06.2026

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 28.07.2026

Принята к публикации / Accepted 29.07.2026

Дата публикации / Date of publication 18.09.2026